

Малые города и национальный проект

Малые города России... Как много чувства будят простые три слова. Какое ощущение счастья на момент посещает изношенную душу, как воспоминание детства.

Но вернемся на землю. Малые города – особая социальная и культурная ниша, особый хозяйственный уклад, особый тип жизненных планов, особый тип преступности. Особая сложная система, часть страны, живущей в трех пространствах – пространстве деревни, малых городов, больших городов. Как опирается Россия на малые города и что с ними происходит сегодня, когда мы мечемся в поисках пути, по которому должны же куда-то прийти в конце нашего «переходного периода»?

В городах с числом жителей от 10 до 100 тысяч проживают в РФ 32 млн. человек, в городах с населением от 100 до 500 тысяч – 29 миллионов. Это около 42% населения РФ. Количественная сторона важна - многие общественные процессы, определяющие судьбу страны, протекают в «молекулярной» форме, большими массами людей. Но мы, имея в виду эту количественную сторону, будем говорить о качестве, о той особой роли, которую играют малые города в нашей народной судьбе.

Вспомним близкие, знакомые малые города России. Каждый согласится, что очевидной чертой их «ландшафта» является близость к деревне и тесная связь с сельским образом жизни. И в то же время это город, так что вся организация жизни людей следует нормам не деревни, а города. Вспомним облик типичного малого города, как он сложился за последние два века. Река, монастырь на высоком берегу, утопающие в

садах дома, площадь с государственными зданиями и памятником павшим землякам, вокзал, на окраинах заводы с рабочими поселками, огороды, а дальше поля и леса.

Отсюда, на мой взгляд, и вытекает главный смысл малых городов. Он в том, что в их культурном пространстве соединяются крестьянское и городское мироощущение. Возникает уникальный мировоззренческий сплав – космическое чувство крестьянина тесно переплетено с присущими горожанину рациональностью и расчетливостью. И дело не в количественных пропорциях этих духовных свойств. Их взаимодействие в душе жителей малых городов достигает гармонии, при которой сами эти свойства меняются. Жители малых городов – особый культурный тип.

Конечно, большая культура и большая страна устойчивы, когда соединяют множество разных культурных типов, структурирующих общество по социальным группам, поколениям, национальностям и регионам. Но принадлежность к культуре малых городов – особый срез всей этой системы. Речь идет о культурном типе, который стал одним из главных устоев нашей цивилизации, ключевой частью того культурного ядра, которое соединяет всех нас в народ. Если представить себе катастрофу, при которой эта часть была бы выдернута из нашего культурного ядра, то видно, что все оно рассыпалось бы. Это была бы катастрофа распада культуры. Мы говорим прежде всего о русском народе, но в XX веке этот культурный тип приобрел более широкие черты, потому что значительная часть и других народов России перешла к городскому образу жизни и прежде всего в малых городах.

России выпала счастливая и трагическая судьба. Находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальной Востока», мы периодически вынуждены были предпринимать усилия по форсированному развитию – чтобы отвести смертельные угрозы. Счастлива наша судьба потому, что всякий раз нам удавались такие рывки без пресечения нашего культурного корня. Даже в моменты тяжелых потрясений мы не отказывались от самих себя, не теряли своего языка и веры, не становились ничьей духовной колонией. Эту гибкость и устойчивость нам и придавал массовый культурный тип малых городов. Тотальное преобладание крестьянского видения мира не дало бы нам достаточных человеческих ресурсов для быстрой модернизации. Полный отрыв города от земли привел бы к утрате космического чувства и господству свойственного мегаполису духа космополитизма – и мы бы не устояли против культурного империализма Запада. Малый город соединял деревню и мегаполис, держал их в лоне быстро развивающейся российской цивилизации.

Зачем для модернизации и развития космическое чувство крестьянина? Ведь поднялась могучая цивилизация Запада именно через раскрестьянивание, через превращение крестьянина в фермера-буржуа и сельского пролетария, а Матери-земли в обычное средство производства, предмет купли-продажи. Запад лишил мироздание святости, заменил Космос холодным ньютоновским пространством, а человека низвел до положения атома (т.е. индивидуума). И ничего – все умеет подсчитать, взвесить, разделить.

Да, многим нравится западный тип жизни, где, по словам западного же философа, «знают цену всего, но не знают ценности ничего». Это дело вкуса. Хотя, думаю, большинству нравится это по незнанию. Думают, Запад – та же Россия, только поудобнее. Все говорят на иностранных

языках и ездят исключительно на иномарках. Но даже если так, судьба наша была определена тысячу лет назад, и уже в XVI веке мы стали для Запада «хуже Турции». Пришлось идти своей дорогой, а она такая, что нам надо было за десять лет решать те задачи, на которые Западу история дала сто лет. По деньгам, отпущенным для решения одинаковых задач, разница была уже в сотни раз. А уж это никак было бы не осилить, если бы утратили космическое чувство и «естественный религиозный орган» – способность ощущать святость Общего дела.

Запад, усевшись на шею колоний и «третьего мира», мог позволить себе стать безрелигиозным, а у нас каждое серьезное дело было не бизнесом, а почти подвижничеством. Весь труд русского пахаря – подвиг. Как говорят богословы, его труд имел литургическое значение – крестьянин, ведя свою борозду, был в прямом общении с Богом. Иначе ему было не справиться. Огромная масса людей в нашей истории вошла в современные виды труда и службы через культурное пространство малых городов, и это пространство не задушило ни их «естественного религиозного органа», ни космического чувства. А попади сразу в мегаполис, и такое могло бы произойти.

Конечно, это не привилегия России. И в других странах известно это свойство малых городов – давать молодым людям особую духовную силу и особый взгляд на мир. Вот США – самый-самый Запад. А оказалось, что две трети ученых США (не считая, конечно, иммигрантов) – выходцы из малых городов. Здесь ставился их разум, острота взгляда и спокойное упорство. Этому помогала и близость Природы, и образ жизни. У нас такой переписи ученых не было, но из личного опыта видно, что та же история. Малые города – воспитанники тружеников науки. Другая похожая на науку служба, которая питается из малых городов – воинская. Отсюда черпало свое пополнение русское офицерство во времена дворянства, а

во многом и в советское время. Но мы знаем и как хрупок мир малого города для людей, которые именно здесь начинают свой путь в современные сферы деятельности. Многие начинают страдать от узости возможностей, задыхаются в полукрестьянском укладе. «В Москву! В Москву!» - стонали чеховские три сестры. Москва для них была образом Европы, и их сформированная европейским образованием душа не находила себе пищи в провинциальном городке.

Форсированная индустриализация СССР поневоле опиралась на крупные города. При острой нехватке ресурсов только здесь можно было создать необходимую плотность и структурную полноту кадров, культурных и трудовых ресурсов. «Одноэтажный» СССР отставал в развитии и модернизации. Война и перегрузки послевоенного восстановления отодвинули назревающий кризис малых городов, а с середины 60-х годы уже велась целевая программа по предотвращению этого кризиса. В малых городах создавалась сеть современных предприятий – отделений и цехов крупных заводов и комбинатов. Молодежь получила доступ к рабочим местам с высокой технологией, увеличилась и подвижность работников – стали много ездить к смежникам, на обучение, для наладки и ремонта у пользователей. Эти десятилетия были и временем бурного развития научно-технической системы страны, строительства больших сооружений, освоения Севера, так что много молодых людей уезжали на учебу, стройки, в экспедиции. Проблема оторванности малых город от большого мира была смягчена.

Все эти каналы социальной мобильности были моментально, катастрофическим образом перерезаны рыночной реформой 90-х годов. Именно малые города оказались самой незащищенной против такого удара частью страны. Внешне кажется, что деревня обеднела в ходе реформы гораздо сильнее, но формальные показатели обманчивы.

Деревенский двор стоит на земле, его главное средство производства и предмет труда – вот они. Да, тип труда изменился, когда реформа придушила крупные сельские предприятия. Как говорят, «село отступило на подворья». Регресс налицо, но нет здесь той безысходности, как в малом городе, где останавливается единственное современное предприятие или цех парализованного реформой большого комбината. Отсутствие заработка и перспектив здесь оказывается тотальным, и ощущение безнадежности давит на людей невыносимо. Они начинают метаться, ездить за тридевять земель выполнять любую работу в большом городе, бродить по стране. Молодые люди сбиваются в стаи, стоят кучками в сквере. В руке бутылка пива, в глазах тревога. Работодателем становится криминальный мир.

Давит и демонстрационный эффект большого города. Он всплыл, как будто оттолкнувшись ногами от тонущих малых городов и села, растлевет и одновременно обозляет захавших поглядеть на «настоящую жизнь» молодых людей. Ведь ножницы в возможностях, которые предоставляют столицы и райцентры, раздвинулись до размера пропасти. Как будто у больших городов образовался свой «третий мир». Он еще не свалился до уровня фавелы, но во многих регионах к этому дело идет. Да и между самими малыми городами возникли разрывы. У одних заработало предприятие или возникли модные дачные места на водохранилище – тут жизнь задышала. Через тридцать километров другой такой же городок – погружается в трясины. Распадается ткань всей сети малых городов, которая скрепляла страну.

Пока что среду обитания десятков миллионов жителей этих городов поддерживает инерция старых систем – какое-то производство, школы, больницы, воинская часть. Стоят еще дома, хотя уже валится с потолка штукатурка, работает

котельная, хотя и с перебоями. Но не видно никакого импульса к возрождению, в брошенных цехах уже и стекла из окон разворовали. Будет ли это скольжение в никуда равномерным и спокойным?

Нет, не будет! Эта безысходность чревата потрясениями, и они зреют, как нарыв. Какое-то время люди надеялись, что эта напасть временная и жизнь наладится. Сейчас видно, что положение стабилизируется и даже золотой дождь нефтедолларов не дает ни капли для оживления малых городов как системы. При нынешнем рынке они действительно превращаются в «третий мир» с его порочными кругами. В то же время телевидение с его идеологизированной рекламой и наглядный образ жирующей столицы разбудили в молодежи малых городов болезненные и несбыточные притязания. Отброшены свойственные малым городам непритязательность и спокойствие жизненных планов, кризис заставляет хватать наслаждения здесь и сейчас. Возник «культ иномарки», молодые люди убивают время и скудные деньги, покупая, ремонтируя и продавая поношенные «тойоты» и «фольксвагены». Но этот суррогат деятельности не успокаивает. Закупоренные наглухо каналы социальной мобильности создают у молодых людей ощущение, что они навсегда заперты в каком-то гетто, что их город как будто выброшен из страны на обочину жизни. И никаких форм борьбы против этой напалзающей серой мглы нет. Даже политика, какая-никакая, - там, в Москве, этом «сияющем городе на холме». Уж это действительно «зияющие высоты». Инерция старых норм и старой культуры иссыкает, и ее тормоза скоро откажут. Тогда и прорвется нарыв. Как прорвется, мы не знаем. Никто не мог предугадать, что подростки в гетто малых городов, спутников блестящего Парижа, станут для своей психологической разгрузки жечь автомобили. Кто-то им

посоветовал такой сравнительно безобидный, но зрелищный способ. Что придумают авторитеты для наших подростков, пока не известно. Автомобили, видимо, жечь не будут, это у нас пока что культовый предмет. Но у нас еще много чего есть поджечь или взорвать. Может оказаться более зрелищно.

Некоторых успокаивает тот факт, что в городках Франции машины жгут темнокожие подростки, а у нас таких нет (или они-то как раз мобильны и запертыми себя не чувствуют). Но это ложное успокоение. «Новые гунны» в предместьях Парижа вовсе не движимы оскорбленными чувствами араба или мусульманина. Нет у них ни национальной, ни религиозной, ни классовой мотивации.

Городки, превратившиеся для них в гетто, из которого нет нормального выхода в большой мир, сформировали из этих юношей и подростков что-то вроде особого племени, не имеющего ни национальной, ни классовой принадлежности. Это племя враждебно окружающей их цивилизации и презирает своих отцов, которые трудятся на эту цивилизацию и пытаются в нее встроиться. У этого племени нет ни программы, ни конкретного противника, ни даже связанных требований. То, что они делают, на Западе уже десять лет назад предсказали как «молекулярную гражданскую войну» - войну без фронта и без цели, войну как месть обществу, отбросившему часть населения как обузу.

Разве не идет в наших малых городах формирования подобного племени? Разве мы не переняли у Запада этой его болезни, отягощенной у нас разрухой хозяйства? И племя «гуннов» формируется, и нарыв зреет. И ни увеличением штата МВД, ни песенкой о «равных возможностях» этого процесса не остановить. Равные возможности надо реально создавать - это и должно стать нашим срочным «национальным проектом».

С.Г. Кара-Мурза www.kara-murza.ru